

Сергей Конин

Пока мы помним, мы живём

Самый добрый в мире род - Вадья

**Коношский район:
история
эпизоды
люди
легенды**

Книга 3-я

2015 год

А

Б

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

Глава VII

22 июня

Девичья бригада

Наумова (в замужестве Николаева) Антонина Васильевна, 1929 года рождения, из Вадьи, навсегда запомнила эту дату: 22 июня 1941 года. В сорок первом она окончила начальную школу и готовилась учиться дальше после летних каникул, а пока помогала родителям по хозяйству.

22 июня к ним пришёл её дядя, ветеринар Николай Васильевич Сёмин, он засиделся на партийном собрании в сельсовете и услышал там по радио весть о нападении гитлеровской Германии на нашу страну. Там же, на собрании, в соответствии с мобилизационным планом, Сёмину поручили обследовать конское поголовье на предмет годности для отправки в РККА. Слово «фронт» ещё не знали.

Тоню разбудили, чтобы сходила и принесла дяде Коле ветеринарный инструмент из соседней деревни. Она выполнила поручение, и председатель сельсовета Григорий Клапышев дал новое задание: отнести запечатанный пакет (такие пакеты были наготове на случай войны) председателю колхоза «Свет» Якову Никитичу Тюкачеву.

Ещё ничего не зная о беде, но видя тревогу взрослых, Тоня тут же отправилась выполнять поручение. Дядю Якова она встретила по дороге, отдала диковинный пакет и с любопытством смотрела, как он спешно его распечатывал. Там были повестки от военкомата.

В тот же день мобилизованные отбыли на лошадях в Коношу. Под вопли и причитания женщин – как это принято было, но никто из уходивших и провожавших и подумать не мог, какими бедствиями обернётся тот день. За четыре года войны из Вадьи ушли сотни мужиков и парней, почти все они остались на войне, а живые вернулись с фронта инвалидами.

Острая нехватка рабочих рук, отсутствие кормильца в семье заставили многих подростков взяться за мужскую рабо-

ту. Было уже не до учёбы. Тоня пошла работать на колхозный спиртопорошковый завод, имевший оборонное значение. Завод - одно название, больше похож на сарай. И в этом сарае, продуваемом со всех сторон, в угарном воздухе, в глухом лесу надо было работать всю зиму...

Летом - работа в поле и на сенокосе. Осенью - молотба. Стол, на котором молотили снопы, доходил девочкам-подросткам до подбородка, приходилось подкладывать под ноги чурки и ящики...

О Победе девичья бригада узнала, когда сеяли горох. По такому случаю председатель колхоза Николай Дмитриевич Ключанов, инвалид войны, пришедший в поле на костылях, объявил выходной день...

«Налетели диверсанты...»

Как сказано, с началом войны Н.В.Сёмин был призван во внутренние войска. В сентябре сорок второго года ему сообщили: в Коношском районе, в том числе в местах его наблюдения, выброшено несколько групп диверсантов, одна такая группа замечена между хутором Карасово и спецпосёлком Синцибино. Её обнаружили двое ребят, находившихся в ночном. Один из них ушёл за хворостом для костра, а когда возвращался, услышал разговор и увидел при свете костра: неизвестный мужчина на ломаном русском языке расспрашивал у его напарника о дороге. Парнишка сообразил, что чужак - не свой, и помчался в Синцибино, сообщил о пришельце взрослым.

На место были направлены проводник с собакой и двое чекистов. Собака сразу же взяла след. Около Карасово они обнаружили спящего часового, выстрелом из нагана он был ранен. Трое других, отстреливаясь из автоматов, скрылись в лесу. Во время перестрелки раненый вскрыл себе вену и поджёг стог, служивший диверсантам ночлегом, погиб в огне. Скрывшихся лазутчиков найти не удалось.

Вскоре был получен сигнал из лесопункта 16 км Волошка о группе диверсантов, возможно, той самой. По распоряжению штаба поисковой группы Н.В.Сёмин, как местный житель, хорошо знающий всю эту территорию, должен был ежедневно обходить участок радиусом действия 25 км и, тоже ежедневно,

докладывать обо всём увиденном. Разумеется, не по большой дороге, а по глухим тропам, по бездорожью, через ручейки, ставшие осенью настоящими водными преградами, под дождём и в сумерках короткого дня... Он отрастил бороду и ходил с дробовиком под видом местного охотника.

Мог быть убитым своими же. Когда вышел на бараки Алексеевки, чтобы обследовать пустующие строения и баню, услышал в бане голос. Решил до вечера затаиться в кустах, чтобы в темноте незаметно подобраться к бане и выяснить, что там за люди. Но, когда стал подкрадываться к бане, из соседнего стога выскочил скрывавшийся там в засаде человек и замахнулся гранатой. Семин успел крикнуть: «Свой!».

На землю легла небольшая пороша, на ней следы были хорошо видны. Семину сообщили, что диверсанты движутся к Березникам, и приказали присоединиться к преследованию. Служебная собака Джим, которую вёл проводник И.Н.Цыбин, хорошо взяла след.

Опытный следопыт Семин установил, что диверсантов четверо. Одного из них, рыжего детину, вскоре обнаружила собака. Видимо, он был ранен, не мог идти, и его пристрелили свои же. Трое остальных шли в сторону хутора Карасово.

Дело было в ноябре, на реке Волошке уже образовался лёд. Лёд хоть и тонкий, но с помощью верёвки диверсанты переправились на другой берег. Уже стемнело, когда группа преследования подошла к реке. Да и собака потеряла след, потому сделали привал.

Утром перебрались через Волошку, продолжили преследование и настигли диверсантов на просеке, в трёх километрах от деревни Дальняя Зелёная. На приказ сдаться они без сопротивления сложили оружие. Первоначальный допрос показал, что один из троих, радист, - немец, остальные двое - эстонцы.

За эту операцию И.Н.Цыбин был награждён именными часами. В поиске и преследовании участвовали также работники Коношской милиции Смирнов и Червин. Операция с участием Н.В.Сёмина проходила с 23 сентября по 11 ноября.

Есть некоторые расхождения между книжными описаниями (Е.Овсянкин, «Поединок в северной тайге». Архангельск, 1969) и рассказом Н.В.Сёмина. В этом ничего удивительного, как и в том, что Е.Овсянкин упоминает в книге И.Н.Цыбина и

ничего не говорит о Н.В.Сёмине - И.Н.Цыбин фигурировал в документах, касающихся операции, а Н.В.Сёмин оставался засекреченным агентом.

И не только Сёмин привлекался к этой операции. На первых порах, пока не прибыли военные, устраивались облавы с участием взрослого населения, а подростков-школьников посылали в лес искать контейнеры с грузом, сброшенные на парашютах для диверсантов. В деле обнаружения, поимки или ликвидации парашютистов такие облавы были бесполезны, даже вооружённым отрядам Коношского истребительного батальона и стрелкам Ерцевской «зоны» диверсанты были «не по зубам». Тем не менее, такие облавы не давали вражеской группе возможности «работать» без помех.

Ходили на такие облавы и вадьяки. В Вадье даже была сложена частушка, дошедшая до 1970-х годов, когда я её там услышал:

Налетели диверсанты,

Налетели с минами.

Только мы не побоялись,

Набежали с вилами.

Железные контейнеры с боеприпасами и прочим военным имуществом, сброшенные с самолётов, действительно были похожи на минные торпеды.

Называю группу парашютистов диверсантами по инерции. Многие годы в народе держалось стойкое убеждение именно о диверсантах, и в газетах так о них писали. Ясное дело: выброшены на парашютах, чтобы устраивать диверсии на железной дороге, по которой шли уголь с Печоры и дрова с Конош для столицы, военная техника с конвоев в Архангельске для фронта. А что ещё могло интересовать парашютистов? Здесь - глубокий тыл, никаких военных объектов. Правда, удивляло такое обстоятельство: за несколько месяцев эти вооружённые до зубов головорезы могли чёрт те что натворить на железной дороге, а диверсий так и не было.

А на самом деле, как стало известно из рассекреченных документов КГБ, это была разведгруппа.

Хотя Северная железная дорога с узловой станцией Коноша была для германской армии, как бельмо в глазу, тем не менее, к удивлению коношан-железнодорожников, во время войны бывавших на многих станциях «Северной» и видевших там большие разрушения, Коношу и перегоны не бомбили. Не потому ли не бомбили, что не хотели, чтобы в районе Коноши усиливались военные части боевого охранения? Ведь похоже на то, что в планах немецкого командования было наступление на Коношском направлении. И разведгруппа под Коношей держалась до последнего в ожидании этого наступления. Наступление не состоялось, и конец её был бесславен.

Считал до сего дня (2011 год): через Вадью шла прорывать блокаду Ленинграда 2-я ударная армия. По рассказам старожилов сложилось такое убеждение, что 2-й ударная армия двигалась к Ленинграду по нескольким направлениям, в том числе через Вадью. Противник вынудил её завязнуть в болотах и намертво заблокировал. В итоге она не только не прорвала блокаду, а и сама не смогла вырваться из кольца и в июне срок второго перестала существовать, тысячи бойцов из её личного состава навсегда остались среди волховских болот, а её командующий генерал Власов сдался немцам. Никто не может сказать точно, вынашивал ли заранее Власов намерение сдать-ся со всей своей армией. Но тот факт, что он сдался врагу с некоторыми своими штабистами, говорит сам за себя. Выходит, бойцов сознательно морили голодом, и на пути продвижения они вынуждены были забивать лошадей, воровать и попрошайничать в деревнях Вадьи, Ротковца и Клёнова. Ещё до фронта армия оказалась ослаблена и в немалой степени деморализована. Лишь стойкость, высокий боевой дух воинов – уральцев и северян, позволили сохранить остатки армии в боевом строю.

Сейчас уже и от самих вадьяков не приходится слышать о 2-й ударной армии – военное поколение сельчан ушло из жизни. Но в моих давних архивах сохранилась такая примечательная запись:

«Помнится, в Вадье мне рассказывали: когда через эти деревни проходила 2-я ударная армия, она растянулась на 40 километров. «Голова» её в Вадье, а «хвост» ещё в Коноше. Шла она с Урала пешим порядком. В Вадье командующий армией генерал Власов останавливался со своим штабом в Березниках

- в доме председателя колхоза С.А.Хорошинина. Конечно, верили сельчане: такая сила прёт, ну теперь дадут фашистам жару... А сомнения старались отгонять, но поводы для сомнений на самом виду: бойцы имели очень изнурённый вид, ходили по избам, просили чего-нибудь поесть, хотя бы картофелину или пареной репы. Техники у них почти не было, лошадей мало и тоже изнурённые».

А в 2010 году выплыл из небытия другой факт. О нём сообщила вадьячка А.В.Лёушкина (Наумова). Оказывается, через Вадью проходили войска не только в сторону фронта, а и обратно, в глубокий тыл. Остатки 2-й ударной армии? Или же одну из разбитых под Ленинградом дивизий отводили на переформирование и отдых, например, в Подюгу? Ведь известно от земляков-фронтовиков, что в Подюгу прибывали свежие сибирские полки, возможно, они и сменили под Ленинградом потрепаные воинские части...

Вопрос прояснили для меня мемуары маршала К.А.Мерецкова «На службе народу» (1971), уже в 2011 году. Версия того рода, что 2-я ударная армия проходила на Ленинград через наши края, оказалась легендой. Как легендой оказалось и пребывание Власова на Вадье. Не было такой армии на пути к фронту, а была 26-я армия Волховского фронта, в конце декабря 1941 года переименованная во 2-ю ударную. Её первый командарм оказался не на высоте, и командующий фронтом Мерецков сместил его, назначил командармом генерала Клыкова. Под командованием Клыкова армия стала полностью соответствовать своему новому названию, в тяжелейших условиях успешно вела наступление. Но Клыков тяжело заболел, и Ставка назначила командармом генерала Власова, который прибыл на фронт на самолёте и в Вадье не был.

А штаб в Березниках действительно был, как и на Горе в Клёнове, но это был не штаб Власова и не 2-й ударной армии, а то было воинское соединение, перебрасываемое, скорее всего, из района Лодейного Поля, из состава 7-й армии, в район Тихвина, где разгоралось нешуточное наступательное сражение... А истощение бойцов в походе во многом объяснялось плохой работой тыловых служб и лихорадочной спешкой по переброске соединения на другой фронт - успеть, пока враг не создал прочную оборону! Немцы тоже спешили...

Из «Протокола Выставочного комитета районной
сельскохозяйственной выставки
Коношского района от 28 октября 1944 года»:

«Слушали: О премировании и награждении Похвальными грамотами передовиков сельского хозяйства и животноводства, участвовавших в районной сельскохозяйственной выставке.

Решили: За достигнутые успехи в области сельского хозяйства и социалистического животноводства районный выставочный комитет премирует следующих товарищей:

Семина Матрена Ильинична – рядовая колхозница колхоза «Свет» Вадьинского сельсовета, инициатор социалистического соревнования на сенокосении и уборке урожая. Тов. Семина своей добросовестной работой показывает пример всем колхозникам района. В 1944 году на сенокосении скосила 26 гектаров сенокосов и дала среднюю производительность труда по 0,7 га за день при хорошем качестве работы. На уборке урожая в 1944 г. т. Семина одна из первых включилась в социалистическое соревнование за перевыполнение норм выработки и взяла обязательство скосить вручную 15 гектар хлеба, скосила 17 гектаров.

Тов. Семина активно участвует во всех проводимых в колхозе общественных мероприятиях. Районный выставочный комитет премирует т. Семину денежной премией в сумме 200 руб. и награждает Похвальной грамотой.

Хорошина Мария Павловна – телятница колхоза «20 годовщина Октября» Вадьинского сельсовета, работает телятницей 3 года. За период своей работы вырастила 35 голов телят, не допустив ни одного случая падежа молодняка. В 1944 г. вырастила 35 голов телят, средний суточный прирост 460 грамм. Телята имеют хорошую упитанность. Тов. Хорошина принимала активное участие в заготовке кормов и уборке урожая, она скосила 7 гек. сенокоса и 6 гектар хлеба. Тов. Хорошина имеет право на получение дополнительной оплаты 17,5 кгр. мяса. Районный выставочный комитет награждает тов. Хорошину Похвальной грамотой.

Тюкачева Мария Ивановна – конюх колхоза «20 годовщина Октября» Вадьинского сельсовета, работает конюхом 3 года, обслуживает 11 рабочих лошадей, из них 6 кобылиц. В 1944 г. получила и сохранила 6 голов жеребят, случены все 6 кобылиц, зажеребляемость 100%. Все лошади имеют среднюю упитанность. Районный выставочный комитет награждает т. Тюкачеву Похвальной грамотой».

В состав Президиума районного совещания передовиков сельского хозяйства 1944 года вошли:

«7. Семина Матрена Ильинична, колхозница колхоза «Свет». Из характеристики: родилась в 1905 г., в колхозе с 1932 г., мать троих детей. К работе относится старательно, честно и добросовестно. За период Отечественной войны показала себя образцом работы в колхозе «Свет». В 1943 году на сеноуборке скосила 15 га, на хлебоуборке скосила 15 га. В зимний период Семина была конюхом, лошадей для весеннего сева 1944 года подготовила хорошей упитанности. В 1944 году на сеноуборке скосила 26 га, на хлебоуборке 25 га. А в настоящее время Семина работает конюхом. В 1944 году была премирована Райкомом и Райисполкомом, а также и колхозом.

8. Хорошина Мария Павловна, телятница колхоза «20 годовщина Октября».

В числе принимавших участие в выставке, помимо Семинной, Хорошиной и Тюкачевой, были колхозник Харламов Сергей Петрович (колхоз «20-я годовщина Октября»), председатель колхоза «Свет» Тюкачев Яков Григорьевич, председатель колхоза «20-я годовщина Октября» Плахов Александр Кириллович, доярка Хорошина Василиста Ивановна, председатель сельсовета Зязин Ал. Павлович, зав. МТФ Семин Н.В. («Свет»).

Вдохновлял полководца вадьинский гармонист

Когда-то в Вадье было много гармонистов. О них упоминали и Семин, и Николин, и Тюкачев. И такое упоминание напомнило мне о забытом факте (ныне он воспринимается как предание).

Историю эту я услышал от коношского учителя И.М.Варакина, а он слышал от вадьинских фронтовиков: о солдате-гармонисте Алексее Тюкачеве. Кстати, о нём слышал и Владимир Левачёв в бытность председателем колхоза им. Ленина.

Однажды на фронте под Сталинградом Г.К.Жуков услышал звуки «минорки» и долго слушал, потом от души похвалил Алексея за игру. Алексей Никитич Тюкачев отлично играл хоть на «венке», хоть на «тальянке» или на «тульской» гармошке.

Прошедший Первую мировую и гражданскую войны, отличившийся на Халхин-Голе, вошедший в историю как Полководец Победы в Великой Отечественной, Г.К.Жуков был до мозга костей профессиональным военным, вместе с тем – разносторонним человеком, очень русским, и очень любил гармонию. Сам играл и ценил настоящих виртуозов, каким, очевидно, был гармонист из Вадьи. Не разлучался с ним командующий ни в штабе, ни в странствиях по фронтам. Отправляясь на передний край, непременно брал с собой...

Уже не помню судьбы того гармониста. Помнится лишь, что на войне Тюкачев уцелел, вернулся домой, затем обосновался в Коноше, и что-то с ним стряслось при очередной поездке на родину в Вадью.

И ещё помнится общее впечатление от той истории про гармониста.

Жуков страстно любил народную музыку и сам не прочь был взять в руки баян. А вадьинский гармонист, видать, играл столь хорошо, что своей талантливой игрой снимал усталость, вливал новые душевные силы. Насчёт усталости не раз приходилось слышать от бывших фронтовиков, что бывало так: отличится боец, представят его к награде, а он просит вместо награды дать ему возможность выспаться.

Много написано о феноменальной работоспособности Жукова – мог сутками не смыкать глаз, напряжённо работая с картой, принимая донесения и ставя задачи командирам, выезжая в войска... Конечно, в этом играла решающую роль его воля, сознание воинского долга и солдатская закалка. Но играл свою роль и, как говорят в таких случаях, «человеческий фактор».

Тот вадьинский гармонист и был таким «фактором».

«Вы потеряли мужа, мы – хорошего воина...»

В одну из поездок в Вадью, в 1986 году, я побывал у Марии Ивановны Тюкачевой – одной из многих в те годы тружениц тыла и солдатских вдов. У неё, как и у многих сельчанок старшего поколения, была медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.». Учреждена медаль в июне 1945 года, а вручали её не один год спустя после войны, обычно в 1947 году. А у Марии Ивановны был и значок военных лет, она мне его показала, такой я нигде больше не видел: «Отличник социалистического сельского хозяйства Наркомата земледелия».

И другая редкая реликвия: фотография братской могилы, сделанная в Будапеште в 1945 году, и письмо. К сожалению, фото было уже почти неразличимо. А письмо хорошо сохранилось.

В конце войны Мария Ивановна лишилась сразу отца и мужа. Сначала умер отец, Иван Матвеевич Харламов, – красный командир гражданской войны, за боевые подвиги награждённый именованным оружием и часами. А за три месяца до победы погиб в Венгрии муж, Павел Николаевич Тюкачев.

Надо думать, достойно воевал Павел Тюкачев, если командир части прислал вдове фото братской могилы и письмо с ободряющими словами. Как можно предположить, прошёл земляк всю войну, в армию был призван ещё до войны, потому что имени его нет в областной Книге памяти.

Вот это письмо с фронта, написанное химическим карандашом:

«Уважаемая Мария Ивановна!

Сообщение о гибели Тюкачева Павла Николаевича при исполнении служебных обязанностей 9 февраля 1945 года подтверждаю. Искренне сочувствую вашей скорби. Вы потеряли мужа, мы – хорошего воина, много сделавшего для освобождения нашей Родины от немецко-фашистских захватчиков.

Тюкачев П.Н. погребен в братской могиле на северной окраине города Будапешта.

Трудитесь во имя укрепления мощи нашей Родины. Это будет лучшим памятником на могилу Павла.

Командир войсковой части
комбат Ганковский».

Надо сказать и о том, что прибыл я к вдове по её просьбе и по заданию редакции – сделать в газету материал о Павле Тюкачеве и о могиле, может, какая-нибудь поисковая группа школы, где ведётся переписка с заграничными школьниками, напишет письмо в Будапешт – где ныне та братская могила, ведь наверняка было перезахоронение, и нельзя ли прислать новое фото?

Но уже пришли другие времена. Страны бывшего соцлагеря оказались во враждебном лагере, и отношение там к нашим погибшим воинам стало другим. О переписке коношан с Будапештом не было и речи...

Судьба

Иван Яковлевич Тюкачев был известен не только как хороший организатор, а и как хороший рассказчик. Его рассказ о судьбе Наумова вряд ли оставит кого-нибудь равнодушным.

Ни автора, ни героя рассказа давно нет в живых. Восстанавливаю рассказ по оригиналу письма И.Я.Тюкачева, написанного в редакцию районной газеты в 1986 году.

А побудила Ивана Яковлевича к рассказу обида за земляка, которого он знал много лет и очень уважал за многие прекрасные качества, много раз толковали они вдвоём – о жизни, о семье, о фронте... Такие люди, как А.А.Наумов, – гордость деревни, соль земли русской.

В декабре 1985 года им, участникам войны из Вадьи, вручали в сельсовете ордена Отечественной войны. Мысленно окидывая взором славную вадьинскую гвардию ветеранов, увидел председатель Тюкачев в одном строю 236 вадьяков, ушедших на фронт. Вернулись лишь несколько десятков, в основном парней, призванных уже в конце войны. А к 1985 году из них осталось всего 12 человек.

Среди прибывших на церемонию вручения награды ничем не выделялся убелённый сединой и скромно одетый молчаливый старик. Солдат Наумов из Березников прошёл войну рядовым в матушке-пехоте, как говорится, от первого до последнего залпа. Век пехотинца на той страшной войне короток, и это про-